

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Данил Аракелян, Софья Ахманаева,
Анна Бежанишвили, Никита Ганжа, Наталия Клименко,
Юлия Лонщикова

- *Leopold T., M. Kalmijn. Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- *Billari F.C., A.C. Liefbroer. Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- *Beaujouan E. Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- *Napierala J., A. Wojtyńska. Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- *Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. Ageing-driven pension reforms*
- *Cools S., S. Markussen, M. Strøm. Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- *McEwen C.A., B.S. McEwen. Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- *Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- *Glaeser E.L., B.M. Steinberg. Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

IS DIVORCE MORE PAINFUL WHEN COUPLES HAVE CHILDREN? EVIDENCE FROM LONG-TERM PANEL DATA ON MULTIPLE DOMAINS OF WELL-BEING

[Leopold T., M. Kalmijn (2016). Is divorce more painful when couples have children? Evidence from long-term panel data on multiple domains of well-being // Demography. 53(6): 1717-1742. <https://doi.org/10.1007/s13524-016-0518-2>]

Развод – тяжёлое испытание, разочарование которое многие люди переживают годами. А если у пары есть общие дети, бракоразводный процесс ещё более усложняется и в юридическом, и в материальном, и в моральном планах. Голландские учёные Томас Леопольд и Маттис Калмайн задались целью узнать, как наличие у супружеской пары детей влияет на самочувствие мужчин и женщин до и после развода. Их исследование основывается на многолетнем изучении семейных пар в Германии. При этом учёные разграничили удовлетворенность жизнью в целом ("*general well-being*"), удовлетворенность доходом (экономическое благосостояние, "*economic well-being*") и удовлетворенность семейной жизнью ("*family well-being*"). Выяснилось, что у женщин наличие детей больше сказывается на экономическом благополучии, в то время как мужчины сильнее переживают крах в семейной жизни.

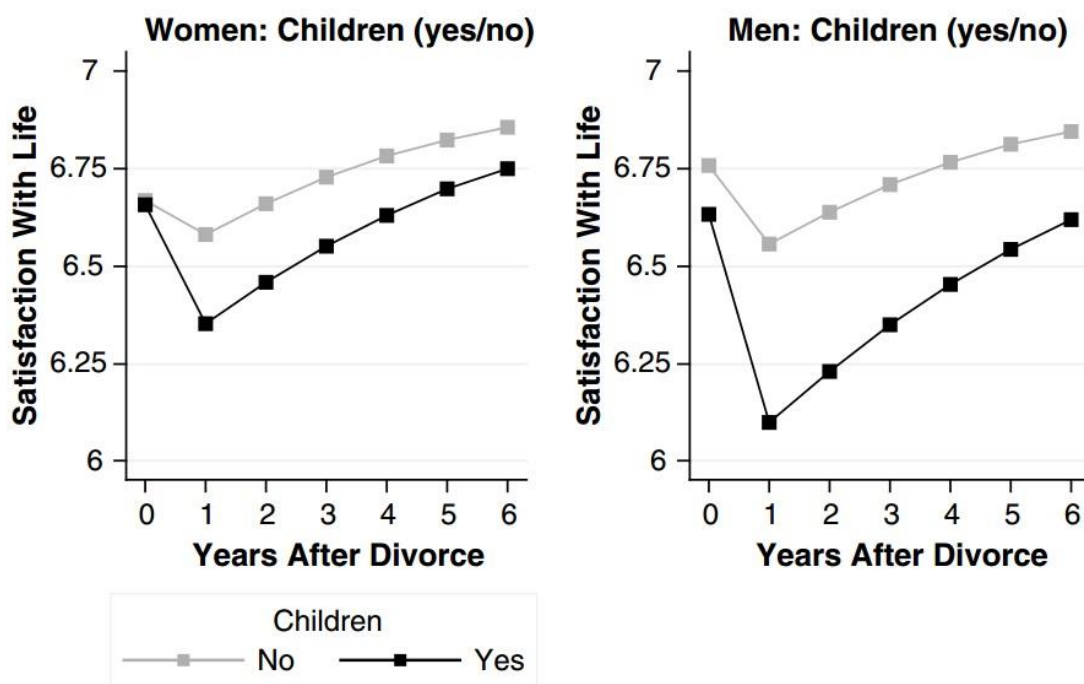
Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Данил Аракелян, Софья Ахманаева, Анна Бежанишвили, Никита Ганжа, Наталия Клименко, Юлия Лонщикова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Обзор поступил в редакцию в августе 2017 г.

Для женщин, имеющих детей, развод оказывается более болезненным с экономической точки зрения, чем для бездетных женщин. Причин тому несколько: во-первых, мужчина, как правило, приносит в семью большую часть дохода, нежели женщина. Во-вторых, даже алименты, которые отец после развода выплачивает ребёнку, оказываются недостаточными для поддержания того же уровня жизни, что был до развода. В-третьих, женщине приходится распределять время между работой и уходом за ребёнком. Наконец, при распаде семьи теряется эффект экономии от масштаба. Из-за этого одиноким матерям часто приходится переселяться в более дешёвое жилище, в первую очередь, если жильё съёмное. Материальное положение разведённых женщин ухудшается тем сильнее, чем младше дети. Женщины с более взрослыми и самостоятельными детьми чаще имеют работу.

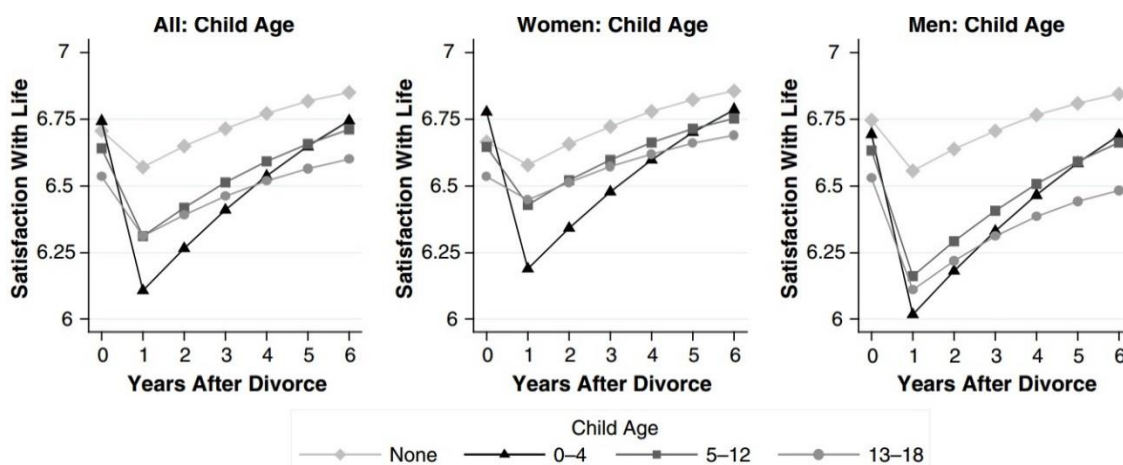
Исследователи проследили, как наличие общих детей влияет на самочувствие партнёров после развода. Оказалось, что наличие детей затягивает моральное восстановление бывших партнёров на 2-3 года, причём этот эффект сильнее для мужчин. В частности, в первый год после расставания удовлетворённость отцов своей жизнью падает значительно резче, чем у матерей. Наличие ребёнка гораздо сильнее (в отрицательную сторону) сказывается на самоощущении разведённого мужчины по сравнению с разведённой женщиной. Лишь на шестой год после развода удовлетворённость мужчины своей жизнью возвращается к прежнему уровню (у женщин – на пятый год; рисунок 1).

Рисунок 1. Удовлетворённость женщин и мужчин жизнью до и после развода в зависимости от наличия общих детей

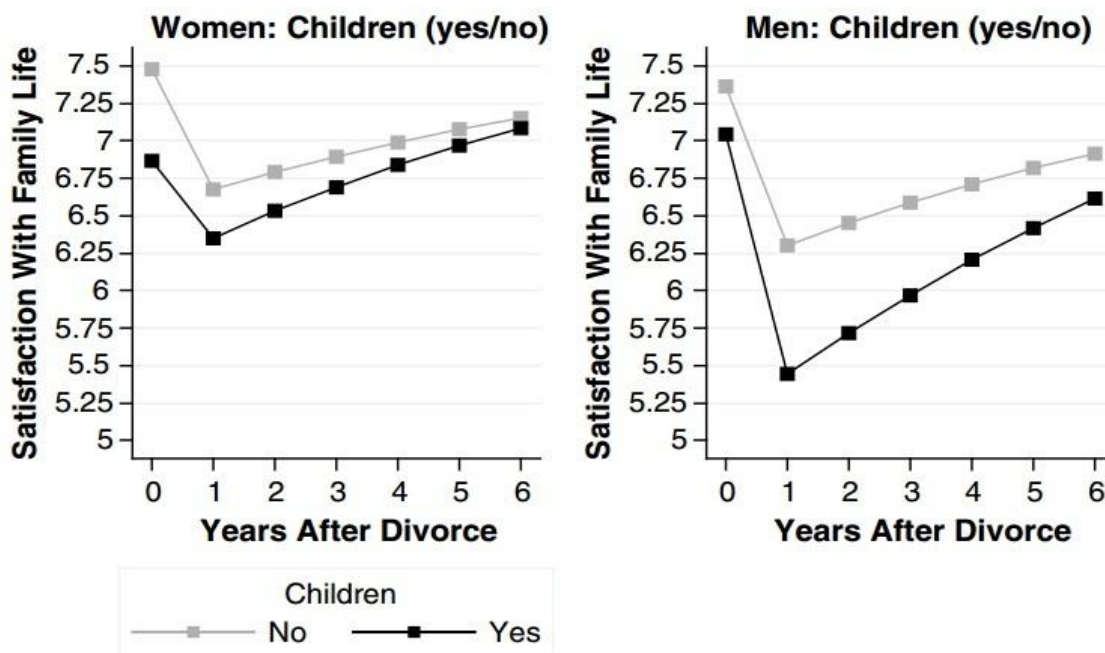
Проанализировали исследователи и влияние такого фактора, как возраст ребёнка. Выяснилось, что чем ребенок младше, тем хуже родители переносят развод (рисунок 2). Так, в случае, когда детям на момент расставания от 0 до 4 лет, удовлетворенность жизнью после расставания падает сразу на 0,6 и 0,7 пункта для женщин и мужчин соответственно.

Интересно, что в долгосрочной перспективе для мужчин болезненнее оказывается расставание с детьми в возрасте 13-18 лет. Одна из причин кроется в том, что, как правило, чем старше ребёнок, тем больше времени с ним проводит отец и тем сильнее при распаде семьи мужчина ощущает нехватку общения с ребёнком.

Рисунок 2. Удовлетворённость женщин и мужчин жизнью до и после развода в зависимости от возраста общих детей

Оценив удовлетворённость респондентов их семейной жизнью после развода, исследователи пришли к выводу, что, вне зависимости от наличия детей, у женщин после развода удовлетворенность своей семейной жизнью снижается не так сильно, как у мужчин (рисунок 3). Если у женщин положительное восприятие своих семейных отношений падает примерно на 0,75 пункта, то у мужчин сразу на 1,2 (без детей) или 1,5 (с детьми). Это связано с тем, что при разводе ребёнок чаще остаётся с матерью.

Рисунок 3. Удовлетворённость женщин и мужчин семейной жизнью до и после развода в зависимости от наличия общих детей

Исследователи отмечают, что, хотя наличие детей оказывает сильное воздействие на самочувствие расстающихся родителей, справедливо и обратное утверждение: реакция отца и матери на развод влияет на самочувствие ребёнка. Эта взаимосвязь - перспективное направление дальнейших исследований.

WHY STILL MARRY? THE ROLE OF FEELINGS IN THE PERSISTENCE OF MARRIAGE AS AN INSTITUTION

[Billari F.C., A.C. Liefbroer (2016). Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution // The British journal of sociology. 67(3): 516-540. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12202>]

В современном мире большую популярность набирает сожительство, однако в самых "развитых" западноевропейских странах подавляющее число людей все еще продолжает заключать официальные браки. Почему это происходит? Франческо Биллари и Аарт Лифброер в своей статье утверждают, что сохранение брака в эпоху индивидуализации и широкомасштабного сожительства нельзя объяснить исключительно (субъективной) ожидаемой пользой брака. Они настаивают на том, что чувства всегда будут играть определенную роль.

Авторы статьи выдвигают ряд гипотез. Во-первых, влияние аффективных оценок на склонность к вступлению в брак сильнее для лиц с религиозным воспитанием, чем для других людей. Люди с разведенными родителями имеют более негативную аффективную оценку брака, чем другие лица. Помимо этого, влияние аффективных оценок на склонность к вступлению в брак сильнее для женщин, чем для мужчин. Также более образованные молодые люди реже вступают в брак, чем менее образованные.

Для подтверждения сделанных предположений авторы построили индекс когнитивной оценки респондентов для брака и совместного проживания. Базой данных послужили панельные исследования по вопросам социальной интеграции в Нидерландах, предназначенные для изучения процесса социальной интеграции молодых людей в жизни и формирования будущей семьи. В исследовании все независимые переменные измеряются во время первой волны, тогда как зависимая переменная, представляющая интерес (время первого брака), основана на информации из последующих волн. Выборка составила 1 083 респондента.

Полученные результаты подтвердили гипотезу о том, что лица из религиозных семей и без разведенных родителей имеют более позитивное отношение к браку, чем к сожительству. Высокообразованные молодые люди оценивали брак менее благоприятно как в эмоциональном, так и в когнитивном отношении, чем молодые люди с низким уровнем образования. Это говорит о том, что высокообразованные молодые люди ценят традицию меньше, чем низкообразованные.

Главный вывод проделанной работы заключается в том, что аффективная оценка брака и совместного проживания оказывается лучшим предиктором фактического вступления в брак, чем когнитивная оценка. Это означает, что решение о вступлении в брак сильнее зависит от эмоций, чем от рациональных соображений. Дополнительные гипотезы

о дифференциальной силе аффективных оценок для разных подгрупп населения получили не столь однозначное подтверждение. Результаты. Они более значимы для женщин, для лиц с религиозными родителями и для людей, которые в настоящее время являются сожителями. В то же время когнитивные оценки оказались более важными для молодых людей с высшим образованием, чем для молодых людей с низким уровнем образования.

Полученные выводы о том, что аффективные оценки брака являются сильными предикторами брачного поведения, могут иметь более общие последствия для исследований по принятию жизненных решений, таких как рождение детей, уход из дома или развод. Однако в этой области требуется больше теоретических исследований и сбора эмпирических данных. Эмпирический анализ, представленный авторами статьи, был проведен с использованием данных, которые не были специально разработаны для измерения влияния аффективной оценки на склонность к вступлению в брак. Будущие исследования должны быть направлены на то, чтобы уточнить и проверить связь между эмоциями и брачным поведением более тщательно, с использованием нескольких методов. Будущие исследования также выиграют от более целенаправленной эмпирической стратегии и, в частности, от использования более информативных измерителей аффективной и когнитивной оценки. Было бы интересно дополнить представленный подход более детальными исследованиями мнения самих молодых людей о том, почему и при каких обстоятельствах они выбирают брак.

SECOND UNIONS NOW MORE STABLE THAN FIRST? A COMPARISON OF SEPARATION RISKS BY UNION ORDER IN FRANCE

[Beaujouan E. (2016). Second unions now more stable than first? A Comparison of separation risks by union order in France // European journal of population. 32(2): 293-321. <https://doi.org/10.1007/s10680-016-9376-2>]

В последние 40 лет частота разводов в Европе и Северной Америке резко выросла. Доля союзов, распадающихся в течение десяти лет после начала отношений, за период с 1970-х по 1990-е годы увеличилась с 11 до 32% для первых союзов и с 23 до 34% для вторых союзов. В 1980-х годах вторые и последующие браки оказывались менее стабильными и долгими, чем первые. Однако позднее эта закономерность размылась, и сегодня ситуация не однозначная. Используя французские данные, Ева Божуа постаралась выяснить, действительно ли за прошедшие несколько десятилетий вторые союзы стали более стабильными.

Стоит отметить, что после разрыва в первом браке люди менее охотно или, по крайней мере, не так быстро решаются на заключение брака с новым партнёром. Так, если первые серьёзные отношения – это в 47% случаев официальный брак без предшествующего совместного проживания, то со вторым партнёром на такой смелый шаг идут только 6,5% пар. В то же время 57% вторых союзов так и не оформляются официально. Это связано как с административными задержками в расторжении предыдущего брака, так и с меняющимся отношением к самому институту семьи: люди становятся более осмотрительными и

предпочитают не принимать поспешных решений о вступлении в брак. Кроме того, многие из них просто хотят сохранить свою независимость.

Те же пары, которые согласны на повторное оформление отношений, оказываются менее подверженными риску распада. Официальный брак прочнее совместного проживания даже в случае отсутствия детей. Неофициальные союзы, как и прежде, уступают зарегистрированным по прочности. Но и незарегистрированные повторные союзы становятся более стабильными. Например, в прошлом шанс распасться в течение пяти лет был во втором союзе в два раза выше, чем в первом. Теперь же это различие практически исчезло.

При этом наличие приёмных детей у одного из партнёров повышает риск расставания пары. Это может быть связано с тем, что ребёнку бывает трудно найти общий язык с новым родителем. С другой стороны, наличие общих детей укрепляет отношения в союзе, особенно если их не меньше двух. При прочих равных условиях риск распада семьи для беременных женщин в полтора раза ниже. Впрочем, на это можно взглянуть и с другого ракурса: на рождение ребёнка обычно решаются изначально более крепкие пары.

Обсуждая полученную картину, автор отмечает, что в анализе могли быть учтены не все реально существующие вторые союзы. Одна из причин в том, что люди реже начинают совместное проживание со вторым партнёром, чем с первым.

TRAPPED IN MIGRANTS' SECTORS? POLISH WOMEN IN THE ICELANDIC LABOUR MARKET

[Napierała J., A. Wojtyńska (2017). Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market // International migration. 55(1): 128–141. <https://doi.org/10.1111/imig.12295>]

Значительная трудовая эмиграция поляков в Исландию началась в 1970-х годах, когда политические преобразования в стране исхода наложились на острую нехватку рабочих в растущей экономике принимающей страны. Вплоть до бума польской трудовой эмиграции в середине 2000-х, когда страну приняли в Европейский Союз и значительно упростился процесс эмиграции, среди поляков, работающих в Исландии, преобладали женщины. Это объяснялось спецификой рынка, в котором открывались рабочие места в основном для женщин. Однако в нулевых годах, вплоть до самого экономического кризиса, Исландия испытала колоссальный приток мужской рабочей силы из Польши, гендерный баланс среди польских иммигрантов почти выровнялся, а к 2007 г. доля мужчин составляла уже 73%. Финансовый и последовавший за ним экономический кризисы больно ударили по сфере строительства, в которой традиционно находили работу мужчины из Польши. Сферы экономики, в которых преимущественно были заняты польские женщины, меньше пострадали от кризиса, что позволило иммигранткам сохранить свои рабочие места и остаться. Значительный отток мигрантов-мужчин из Исландии выровнял баланс, и в 2015 г. женщины составляли почти ровно половину польского населения Исландии.

В статье на основе данных опроса, проведенного в 2010 г. в столичном регионе Исландии, изучается миграционный опыт польских женщин. Исследование учитывает

более широкий контекст экономической ситуации в отдающей и принимающей странах, а также уровень гендерного неравенства в обоих обществах и старается учесть, как эти факторы влияют на выбор польских женщин-мигрантов.

В специализированной научной литературе широко распространился подход к изучению женской миграции, когда миграционный потенциал объясняется, в первую очередь, через различие уровня гендерного неравенства в стране эмиграции и стране иммиграции. Но тут есть любопытный и почти парадоксальный момент. Западные общества, отличающиеся низким уровнем неравенства и дискриминации своих женщин на рынке труда, как правило, формируют повышенную потребность в иммиграции, призванной заместить недостаток рабочей силы в традиционно женских сферах приложения труда. В западных обществах женщины получают все лучшее образование и все чаще делают яркую карьеру. В результате на выполнение работы по дому и уходу за близкими времени не остается. Мужчины не принимают на себя эти обязательства в должном объеме, поэтому возникает острый запрос на низкооплачиваемый традиционно женский труд, за который готовы браться лишь мигранты. Парадокс в том, что равноправие для своих женщин во многом достигается за счет женщин-иммигранток, которые оказываются дискриминированными дважды: как женщины и как иммигранты. При этом в силу специфики функционирования сегментированного рынка труда в странах с высокой иммиграцией женщины-мигранты оказываются "прикованными" к малопрестижным и низкооплачиваемым работам.

На протяжении последних десятилетий XX и начала XXI века Исландия прошла поразительный ускоренный путь развития от отсталой аграрной страны до передовой современной сервисно-ориентированной экономики. Высокое образование, смена ценностей, доступность качественного трудоустройства и масштабная государственная помощь в уходе за детьми и стариками позволили исландским женщинам получить престижную и высокооплачиваемую работу, а малопрестижные и низкооплачиваемые занятия оставить для пришлого женского населения. Эту освободившуюся нишу "плохих женских работ" во многом и заполнили польские иммигрантки.

Анализ карьерных траекторий польских иммигранток в Исландии показывает низкую социальную мобильность. Несмотря на то, что, в среднем, каждая из опрошенных женщин сменила работу в Исландии не менее двух раз, более половины женщин не меняли сектор трудоустройства. Также отчетливо видно, что женщины, прибывшие после экономического кризиса, находятся в более неустойчивом положении на рынке труда и вынуждены чаще менять малопрестижные работы. Значительная часть респонденток устроились работать уборщицами или сиделками и уже не меняли профессию. Это косвенно говорит о трудностях выхода из сектора малопрестижных и низкооплачиваемых занятий для трудовых мигрантов, особенно на традиционно женских работах.

Отличительной чертой исландского рынка труда по сравнению со многими другими развитыми европейскими странами, активно привлекающими женщин-мигрантов, оказывается удивительная формализованность и зарегулированность работ уборщиц и сиделок. Большинство таких вакансий открываются и управляются государством и

крупными частными компаниями, что положительно сказывается на безопасности трудоустройства женщин-мигрантов. Несмотря на этот очевидно положительный момент, есть и негативная сторона. Подобные работы уже стали в Исландии "исключительно мигрантскими", что приводит к маргинализации пришлого населения и затрудняет для них интеграцию. В итоге удивительное гендерное равенство существует лишь для престижных работ, доступных местным женщинам, и во многом за счет иммигранток, вынужденных довольствоваться непрестижными и низкооплачиваемыми работами.

AGEING-DRIVEN PENSION REFORMS

[Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout (2017). Ageing-driven pension reforms // Journal of population economics. 30(3): 953-976. <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0637-0>]

В настоящее время пенсионные системы многих стран находятся на стадии реформирования. Согласно статистике ОЭСР, большинство развитых стран активно модернизировали свои системы пенсионного обеспечения в период с сентября 2013 по сентябрь 2015 г. И даже в случаях, когда реформы так и не были реализованы, вопрос о необходимости пересмотра существующих механизмов работы пенсионных систем все же поднимался. Одновременно мы наблюдаем процесс демографического старения – результат снижения уровня рождаемости и уровня смертности. Нидерландские исследователи Ян Боненкамп, Лекс Мейдам, Эдуард Пондс и Эд Уэстерхут проанализировали опыт пенсионных реформ в разных странах и поставили перед собой два вопроса:

1. Есть ли у внедряемых пенсионных реформ что-то общее?
2. Можно ли рассматривать текущие пенсионные реформы как оптимальную общественную реакцию на старение населения?

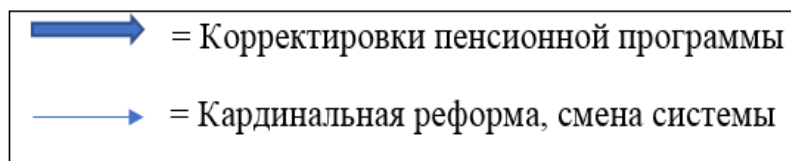
Основная гипотеза, которую проверяют авторы исследования, заключается в том, что распределение рисков между двумя поколениями посредством коллективных контрактов должно быть достаточно гибким, чтобы при необходимости адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Так, пенсионная схема с установленными выплатами (DB - defined benefit) – характеризуется фиксированным размером выплачиваемой пенсии, который гарантируется за счет корректировки текущих взносов и оказывается неэффективной в условиях ускоряющегося старения населения в развитых странах. При использовании подобной схемы выплата пенсий напрямую ложится финансовым бременем на текущие поколения трудоспособного населения. При этом по прогнозам нагрузка на трудоспособное население во многих развитых странах к 2050 г. увеличится вдвое. Непредвиденные потрясения на финансовых рынках и/или процесс старения населения в стране, использующей схему DB в накопительной пенсионной системе, потребуют больших изменений в пенсионных взносах для защиты гарантированных прав на получение пенсий.

Анализируя происходящие в различных странах реформы пенсионного обеспечения, исследователи пришли к выводу, что как параметрические, так и фундаментальные

реформы можно, безусловно, идентифицировать и проклассифицировать в соответствии с несколькими параметрами (рисунок 4).

Пенсионный план	Финансирование	
	Unfunded (PAYG)	Funded
DB (фиксированные пенсионные выплаты)	[1] PAYG DB (PDB)	[2] Funded DB (FDB)
DC (фиксированные взносы в пенсионную систему)	[3] Notional DC (NDC)	[4] Individual DC (IDC) [5] Collective DC (CDC)

Рисунок 4. Типы пенсионных реформ

Авторы рассматривают наблюдаемые пенсионные реформы как поиски оптимальной схемы адаптации модели распределения межпоколенных рисков к меняющимся демографическим условиям. По их мнению, существует общий тренд, который четко прослеживается в реформах пенсионных систем на всех уровнях, а именно тенденция перехода от схем DB к схемам DC (defined contributions - схема с установленным размером пенсионных взносов при большем разнообразии получаемых пенсий), предполагающим уменьшение рисков, связанных с межпоколенным перераспределением.

CHILDREN AND CAREERS: HOW FAMILY SIZE AFFECTS PARENTS' LABOR MARKET OUTCOMES IN THE LONG RUN

[Cools S., S. Markussen, M. Strøm (2017). Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run // Demography. <https://doi.org/10.1007/s13524-017-0612-0>]

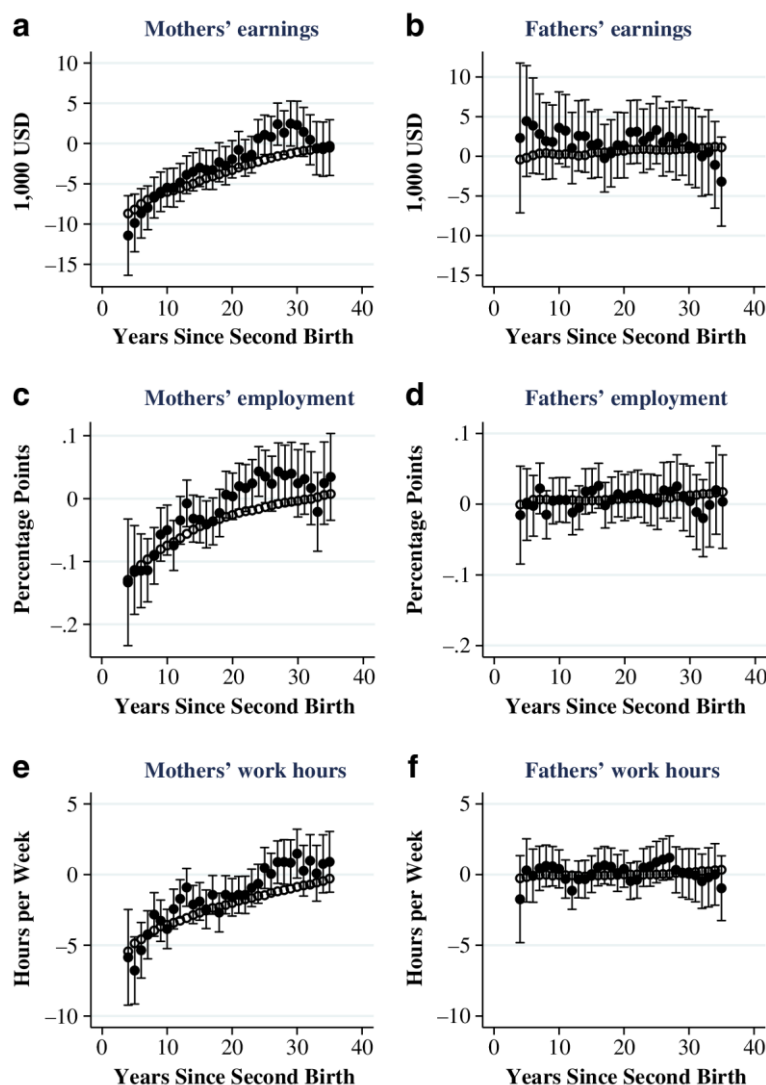
На сегодняшний день сохраняются заметные карьерные различия между мужчинами и женщинами. Несмотря на то, что в последние десятилетия гендерный разрыв в заработной

плате снижался за счет догоняющего и даже превосходящего женского уровня образования, карьера мужчин продолжает развиваться более динамично. Часто такое положение вещей связывают с рождением детей и появлением материнских обязанностей у женщин.

Авторы статьи Сара Кулс, Симен Маркуссен и Марте Стрём исследуют влияние увеличения размера семьи на предложение рабочей силы (доход, рабочая сила и еженедельные рабочие часы) и на карьерные достижения, такие как ранжирование доходов (как самого индивида, так и его фирмы), а также вероятность того, что человек будет максимально зарабатывать на своем рабочем месте в краткосрочном и долгосрочном периодах. Также авторы рассматривают проблему эндогенности в размере семьи, используя декомпозицию по полу первых двух детей как инструментальную переменную для общего числа детей. По причине того, что пол ребенка определяется случайным образом, а некоторые родители хотят иметь и мальчика, и девочку, увеличивается вероятность дальнейшего деторождения таким образом, который не связан с влиянием на результаты рынка труда родителей.

Исследование построено на данных норвежского регистра населения о семьях с детьми, родившимися в период с 1970 по 2001 г. Авторы исследуют родителей в течение 40 лет после рождения второго ребенка. Они проводят отдельные оценки за каждый год с момента рождения второго ребенка, чтобы в полной мере отобразить траекторию эффектов. Авторы делят выборку индивидов с высшим образованием и без него для получения разных ответов в этих двух группах. Богатые данные регистра населения связывают детей с родителями и предоставляют информацию о браке родителей. В используемый набор данных включены не только состоящие в браке, но и сожительствующие родители. Размер выборки составил более 640 тыс. наблюдений. Взаимосвязи переменных устанавливаются двумя методами: методом наименьших квадратов и оценкой инструментальных переменных.

Результаты показывают значительное негативное влияние дополнительных детей на предложение рабочей силы в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Авторы находят четкое доказательство того, что дополнительные дети затрудняют карьеру женщин в долгосрочной перспективе и что эти эффекты сосредоточены среди женщин, получивших высшее образование. Размер семьи влияет на тип занятости женщин, поскольку женщины с большим числом детей работают в менее престижных местах работы, но, похоже, имеют тот же статус, что и женщины с меньшим числом детей. Авторы не обнаружили влияния размера семьи на карьерные перспективы мужчин. Для женщин без образования размер семьи практически не ущемляет карьеру.

Рисунок 5. Влияние размера семьи на предложение рабочей силы для родителей. Каждый заполненный круг на рисунке является результатом оценки двухшаговым методом наименьших квадратов воздействия числа детей на заработок и занятость. Открытые круги - это оценки методом наименьших квадратов того же отношения

SOCIAL STRUCTURE, ADVERSITY, TOXIC STRESS, AND INTERGENERATIONAL POVERTY: AN EARLY CHILDHOOD MODEL

[McEwen C.A., B.S. McEwen (2017). *Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model* // *Annual review of sociology*. 43(1): 445-472. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053252>]

Социолог Крейг Мак-Ивен и нейроэндокринолог Брюс Мак-Ивен описывают влияние неблагоприятных материальных и социальных условий в раннем детстве на воспроизведение межпоколенной нищеты. Авторы предлагают модель, которая сочетает подходы как с точки зрения биологических механизмов, так и с точки зрения социальной структуры, культурных аспектов и статусных достижений.

Особое внимание уделяется понятию токсического стресса, испытываемого в раннем детстве, так как именно через него социальные условия и взаимоотношения с окружающими влияют на развитие мозга и тела человека, оказывая влияние в дальнейшем как на успехи в обучении и профессиональной деятельности, так и на физическое и психическое здоровье. Исследователи делают акцент на важности изучения развития в раннем детстве, поскольку именно на ранних этапах жизни происходит формирование основных когнитивных и некогнитивных навыков, на которое токсический стресс оказывает сильнейшее воздействие.

Рисунок 6. Взаимосвязь между социальными условиями (особенно неблагоприятными), степенью провоцируемого ими токсического стресса и его влиянием на развитие организма, а также эпигенетическими изменениями и различными жизненными достижениями индивида

Постоянный и продолжительный токсический стресс создает аллостатическую перегрузку, которая часто провоцирует негативные изменения архитектуры мозга, приводя к нарушению познавательных способностей, способности к саморегуляции, психического и физического здоровья. Так, например, люди, испытывавшие в детстве постоянный стресс, больше подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям и болезням дыхательных путей, а также больше склонны к наркотической зависимости, алкоголизму и курению.

Эти изменения могут сохраняться на протяжении всей жизни и влиять на передаваемые по наследству генетические характеристики. Нарушение способности к саморегуляции, которая включает в себя внимание, упорство, способность достигать целей, переключаться между видами деятельности и контролировать эмоции, сдерживая неадекватное поведение, негативно сказывается на социальной компетентности и социальной адаптации индивида.

Имеющиеся на сегодня данные исследований ясно свидетельствуют о корреляции уровня аллостатической нагрузки с уровнем окружающей нищеты как разновидности неблагоприятных условий независимо от социально-экономического положения семьи. Эта

нагрузка остается высокой именно среди тех, кто провел детство в бедности, и не зависит от их текущего социально-экономического положения. В ходе ряда исследований было обнаружено, что у детей из менее обеспеченных семей медленнее увеличивается количество серого вещества, у них меньше способностей к изучению языков и хуже работает память. Они более склонны испытывать проблемы в отношениях со сверстниками и противопоставлять себя взрослым.

Подобные последствия стресса накладывают в дальнейшем отпечаток на взаимодействие людей со своими детьми, поскольку, длительное время перенося в детстве неблагоприятные условия, они более подвержены стрессу и соответственно более склонны передавать свое психическое напряжение детям.

Тем не менее описанные выше эффекты обратимы, поскольку социальная структура и взаимоотношения с окружающими могут не только выступать в роли стрессоров, но и служить защитными факторами, предотвращающими или нейтрализующими последствия токсического стресса. Это утверждение, как отмечают исследователи, является противовесом предположениям о биологическом или социальном детерминизме.

Также отмечается, что бедность – далеко не единственная причина воспроизведения бедности и социальных различий через поколения и, ученым еще предстоит изучить взаимосвязь между различными типами неблагоприятных социальных условий, их совокупное влияние на человека в раннем детстве и их последствия.

WHY DO IMMIGRANTS HAVE LONGER PERIODS OF UNEMPLOYMENT? SWISS EVIDENCE

[Auer D., G. Bonoli, F. Fossati (2017). Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence // International migration. 55(1): 157-174. <https://doi.org/10.1111/imig.12309>]

Даниэль Ауэр, Джулиано Боноли и Флавия Фосатти задались вопросом: с чем связана большая продолжительность периодов безработицы у иммигрантов? В последнее время данная тема часто обсуждается в публичном пространстве, порождая различные попытки объяснения этого феномена, проверке которых и посвящена статья. Для проверки влияния на продолжительность безработицы авторы выбрали следующие объясняющие переменные: влияние ценностей, качество и содержание неформальных связей, а также психологическое благополучие. Исследование опиралось на уникальные данные о занятости в швейцарском кантоне Во весной 2012 г. Исследователям удалось совместить административную статистику с данными выборочных опросов. Всего исследование затронуло 2665 человек как швейцарцев, так и мигрантов, преимущественно первого поколения. Среди иммигрантов были отдельно выделены португальцы, граждане бывшей Югославии и представители неевропейских государств.

В статье выдвигаются три гипотезы. Во-первых, предполагается, что продолжительность безработицы зависит от субъективной ценности труда: иммигранты, предпочитающие получать пособия по безработице, менее склонны к возобновлению трудовой деятельности. Во-вторых, продолжительность безработицы может зависеть от

развитости социальных связей индивида. Иными словами, иммигранты, не обладающие широкими социальными связями, дольше остаются безработными. В-третьих, психологическое благополучие может оказывать существенное влияние на продолжительность безработицы. Авторы сравнивали различные группы мигрантов между собой, а также с местным населением по указанным переменным, а затем сверяли полученные данные с информацией по продолжительности безработицы.

Исследование не нашло подтверждения первой гипотезе: значительного расхождения между швейцарцами и иммигрантами в отношении к труду и пособию по безработице выявить не удалось (точная формулировка: Можете ли Вы сказать про себя, что "безработица позволяет Вам отдохнуть от работы?"). На этом фоне только португальцы оказались значительно более склонными к безработице, что, как отмечают авторы, вступает в противоречие с устоявшимся мнением об их трудолюбии. При этом они, а также иммигранты из неевропейских стран и граждане Швейцарии, осознают безработицу серьезной проблемой в отличие от иммигрантов из стран Евросоюза (за исключением Португалии). Однако авторы отмечают, что подобные результаты не позволяют говорить о решающей роли ценностей в продолжительности безработицы.

Сравнивая подгруппы респондентов по их вовлеченности в социальные связи, исследователи пришли к выводу, что, за исключением португальцев, иммигранты имеют гораздо меньше знакомых и друзей, чем швейцарцы. Изучение же психологического благополучия безработных помогло прийти к заключению о большей удовлетворенности местных жителей по сравнению со всеми группами иммигрантов.

Во второй части исследования было определено, что граждане бывшей Югославии и других государств вне ЕС испытывают большие трудности с поиском работы, нежели жители Швейцарии и ЕС. Португальцам, напротив, найти работу представляется даже проще, чем местному населению. Авторский коллектив предполагает, что этот феномен, а также предыдущие отклонения данной группы от тренда прочих иммигрантов вызваны тем, что исследование проводилось весной, когда возобновляется активность строительного сектора, в котором португальцы преимущественно задействованы. Несмотря на некоторые статистически значимые результаты, исследователи отмечают, что исследованные гипотезы лишь отчасти объясняют продолжительность безработицы.

В заключение статьи авторы высказывают мысль о том, что тезис "популистов" о кардинальном различии граждан ЕС и жителей неевропейских государств в отношении ценностей труда, обуславливающих более продолжительный период безработицы у последних, нельзя признать верным. В то же время исследование находит подтверждение идеи о том, что тот, кто более спокойно воспринимает безработицу, чаще дольше остается незанятым. В качестве альтернативного объяснения более длительной безработицы у иммигрантов авторы предлагают проверить предположение о возможном влиянии дискриминации работающими швейцарцами иммигрантов.

TRANSFORMING CITIES: DOES URBANIZATION PROMOTE DEMOCRATIC CHANGE?

[Glaeser E.L., B.M. Steinberg (2017). Transforming cities: does urbanization promote democratic change? // Regional studies. 51(1): 58-68. <https://doi.org/10.1080/00343404.2016.1262020>]

Урбанизация качественным образом меняет географию населения. Увеличение доли городского населения сопряжено с социальными, политическими и экономическими изменениями. Раскрывая новые грани социальных последствий урбанизации, Эд Глазер и Брюс Штейнберг задаются вопросом, способствует ли урбанизация демократическим переменам.

Авторы отмечают, что увеличение плотности населения, которое влечет за собой урбанизация, повышает средние доходы населения. Бизнес более продуктивен в городе, так как производительность рабочих здесь выше, а более высокая заработная плата компенсирует разницу в ценах на продукты и услуги. В то же время и проблем становится больше. Города испытывают экологические проблемы; в городах процветает преступность, а городская среда затрудняет раскрытие преступлений; высотное строительство ведет к увеличению стоимости недвижимости. Однако при должном подходе эти проблемы могут быть решены компетентным эффективным правительством.

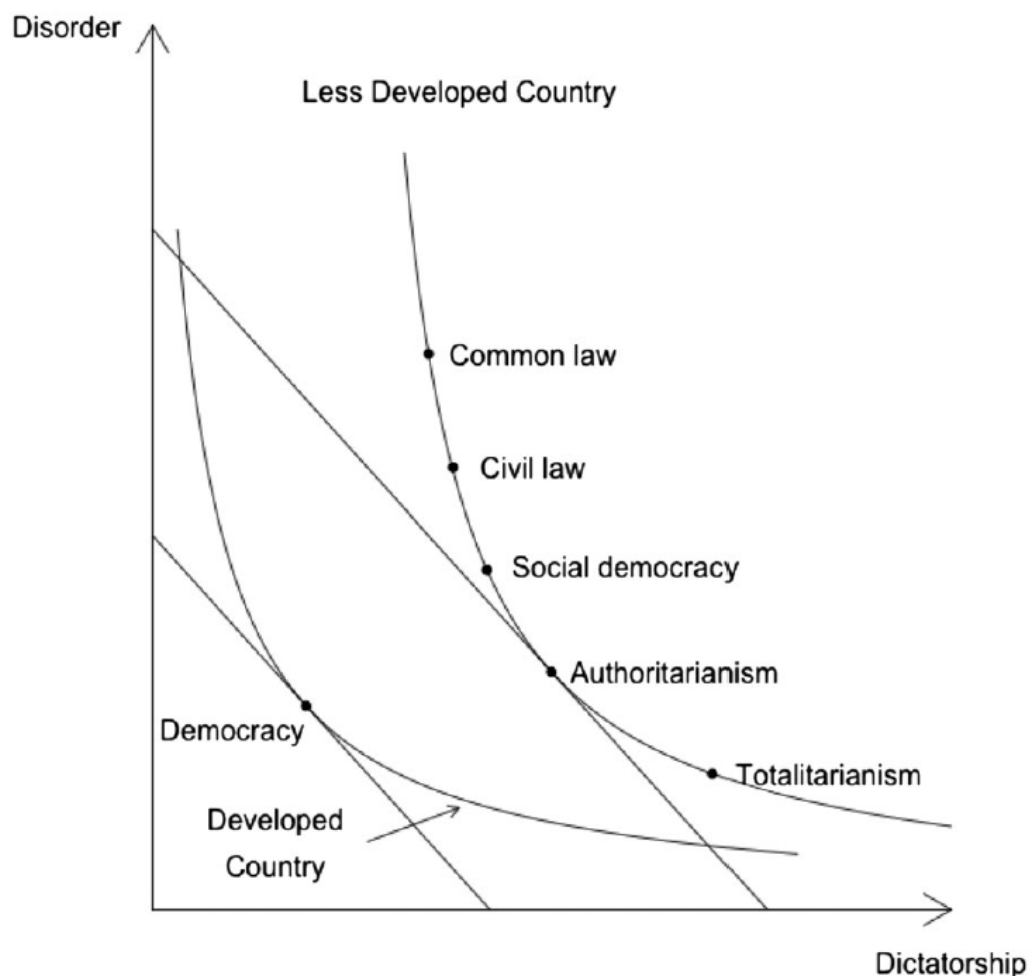
Увеличение плотности населения позволяет улучшить организованность людей, координацию их действий. Исследования показали, что сохранить диктатуру в высокоурбанизированном обществе гораздо сложнее. Уровень урбанизации в 1960-х годах оказывается тесно связанным с индексом демократии в 2000-х годах.

Правительству сложнее справляться с волнениями в городах, чем с восстаниями в отдаленных районах. С одной стороны, в городских условиях у армии и полиции возникают сложности в решении оперативных задач, с другой – мировое сообщество активнее следит за происходящим в мегаполисах, а международные СМИ имеют возможность широко освещать репрессивные действия власти против граждан, если такие случаются. Более того, авторы статьи полагают, что долгое нахождение армейских подразделений в городе может расположить военных к протестующим. Все это делает густонаселенные города проблематичной средой для развития диктатуры.

Однако если демократическая революция случается, нет гарантии, что не будет установлен еще более авторитарный режим: примерами здесь служат и Французская, и Русская революции. По мнению авторов статьи, демократия, вероятно, выживет, если в обществе распространено убеждение в необходимости борьбы за народный суверенитет. И наоборот, установление новой диктатуры также нуждается в общественном консенсусе по поводу того, что для решения проблем, возникших после революции, необходим диктат власти.

Возникает дилемма выбора между сильной и слабой властью (рисунок 1). С одной стороны, власть, наделенная широкими полномочиями, может эффективно пресекать определенные правонарушения. Однако почти неизбежно появляются случаи коррупции и злоупотребления властью. Более открытый, демократический государственный аппарат

справляется с проблемой коррупции, но становится не в состоянии защитить частную собственность.

Рисунок 7. Кривая спроса на демократию

Короткая диагональная линия, по мнению Глазера и Штейнберга, является оптимальным выбором режима, когда социальные потери выбора между беспорядком и диктатурой сведены к минимуму.

Кроме всего прочего, запрос на демократию в городах должен увеличиваться, поскольку густонаселенные города способствуют развитию торговли и инноваций, а диктатура склонна препятствовать развитию этих областей.

С другой стороны, эпидемии и увеличение числа преступлений увеличивают запрос на сильную власть.

Таким образом, урбанизация может увеличить спрос как на демократию, так и на диктатуру. Однако даже если процесс урбанизации не принесет демократии в краткосрочной перспективе, с течением времени он позволяет улучшить государственное управление путем развития гражданского капитала.

Главный и самый значимый вклад в гражданский капитал, который совершает большой город – образование и научные исследования. Именно развитие этих областей является ключом для понимания правительством своей страны. Более того, живя в городе, люди учатся сотрудничать и общаться с другими людьми, что помогает преодолевать разногласия в обществе. Полемика о диктатуре и демократии – одно из таких общественных разногласий.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, DANIL ARAKELYAN, SOPHIA AKHMANAEVA, ANNA BEZHANISHVILI, NIKITA GANZHA, NATALIA KLIMENKO, AND JULIA LONSHCHIKOVA

- *Leopold T., M. Kalmijn. Is divorce more painful when couples have children? Evidence from Long-term panel data on multiple domains of well-being*
- *Billari F.C., A.C. Liefbroer. Why still marry? The role of feelings in the persistence of marriage as an institution*
- *Beaujouan E. Second unions now more stable than first? A comparison of separation risks by union order in France*
- *Napierala J., A. Wojtyńska. Trapped in migrants' sectors? Polish women in the Icelandic labour market*
- *Bonenkamp J., L. Meijdam, E. Ponds, E. Westerhout. Ageing-driven pension reforms*
- *Cools S., S. Markussen, M. Strøm. Children and careers: how family size affects parents' labor market outcomes in the long run*
- *McEwen C.A., B.S. McEwen. Social structure, adversity, toxic stress, and intergenerational poverty: an early childhood model*
- *Auer D., G. Bonoli, F. Fossati. Why do immigrants have longer periods of unemployment? Swiss evidence*
- *Glaeser E.L., B.M. Steinberg. Transforming cities: does urbanization promote democratic change?*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

DANIL ARAKELYAN, SOPHIA AKHMANAEVA, ANNA BEZHANISHVILI, NIKITA GANZHA, NATALIA KLIMENKO, JULIA LONSHCHIKOVA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: AUGUST 2017.